

Д.Н. МАМИН
СИБИРЯК

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

Мме Квист, Бликс и Ко (Сибирские рассказы)

МАМИН, Дмитрий Наркисович, псевдоним — Д. Сибиряк (известен как Д. Н. Мамин-Сибиряк) [25.X(6.XI).1852, Висимо-Шайтанский завод Верхотурского у. Пермской губ.- 2(15).XI.1912, Петербург] — прозаик, драматург. Родился в семье заводского священника. С 1866 по 1868 г. учился в Екатеринбургском духовном училище, а затем до 1872 г. в Пермской духовной семинарии. В 1872 г. М. едет в Петербург, где поступает на ветеринарное отделение Медико-хирургической академии. В поисках заработка он с 1874 г. ста-

новится репортером, поставляя в газеты отчеты о заседаниях научных обществ, В 1876 г., не кончив курса в академии, М. поступает на юридический факультет Петербургского университета, но через год из-за болезни вынужден вернуться на Урал, где он живет, по большей части в Екатеринбурге, до 1891 г., зарабатывая частными уроками и литературным трудом. В 1891 г. М. переезжает в Петербург. Здесь, а также в Царском Селе под Петербургом он прожил до самой смерти.

Содержание

I.....	.0006
II.....	.0013
III.....	.0020

**Д.Н. Мамин-Сибиряк
Мте Квист, Бликс и Ко
(Очерк)**

На соборной площади губернского города Краснокутска стоял дом соборного протопопа Миловзорова, сдававшийся внаймы под торговые помещения. Город был хотя и бойкий, но протопоповскому дому как-то не везло, — кто его ни снимет, тот и прогорит. Была торговля «колониальными товарами», потом галантерейная, потом мануфактурная, но все они провалились в самом непродолжительном времени. Колониальный торговец бежал от долгов, галантерейщик объявил себя несостоятельным, а мануфактурист предлагал своим кредиторам по десяти копеек за рубль. Местные краснокутские коммерсанты объясняли эти крахи прямо домом, в котором «неладно». Сам протопоп умер, а протопопица жила во флигеле с сыном. Дом стоял пустым уже целых два года, и это огорчало протопопицу до глубины души, потому что лишало ее главной статьи дохода. Что думал сын протопопицы, занимавший место в одном из частных банков, было неизвестно, потому что это был очень сдержанный молодой

человек, не любивший болтать.

В одно прекрасное утро на роковом доме появилась громадная вывеска: «Квист, Бликс и Ко, комиссионеры заграничных торговых фирм». По сторонам вывески были прибиты аншлаги с изображением швейной машины, велосипеда, кофейной мельницы и разных других, более или менее соблазнительных предметов. В окнах нового магазина можно было видеть самые предметы торговли и целый ряд разноцветных афиш, рекомендовавших удивительнейшее мыло для вывода пятен (марка «последнее слово науки»), еще более удивительный порошок для чистки металлов, несколько вернейших средств от насекомых необыкновенный инструмент, заменявший пилу, алмаз для резания стекла, складной аршин и служивший, смотря по желанию, ножом и вилкой, и т. д. Удивительнее всего было то, что магазин открылся как-то вдруг, неожиданно, а его вывеска напоминала те цветы, которые распускаются в одну ночь.

— Немцы какие-то, — объясняла протопица любопытным. — Прямо с железной до-

роги приехали вечером, дали задаток за два месяца вперед, а утром уж магазин открыли.

Знакомые протопопицы только покачивали головой. Что-то уж очень быстро все сделалось, особенно принимая во внимание то, что «немцы» должны были отдохнуть после дороги и, по крайней мере, выспаться. Впрочем, на то они немцы... На русских магазинах по неделе одну вывеску прилаживают: сначала привезут ее на двор, и стоит она на дворе дня два, потом вытащат на улицу — тоже стоит битых три дня, потом начинают поднимать — тоже дня два займет. А дальше перевозят товары, распаковывают, раскладывают, наводят «выставку» для заманивания доверчивых покупателей, — глядишь, двух недель как не бывало. Хозяин ругается с вывесочным мастером, с приказчиками, задерживает платежи за квартиру и так далее, а тут в одну ночь все дело обернули, точно в сказке, где все делается по щучьему веленью.

Когда степенный сын протопопицы проходил утром на службу, то заметил в одном окне открытого магазина свежее и молодое личико какой-то женщины. Она была белоку-

рая, с такими большими серыми глазами. На окне стояла спиртовая лампочка, на которой что-то варилось в никелированной кастрюльке. Молодой человек оглянулся, а молодая женщина спряталась за штору, и он видел только краешек белой утренней кофточки с прошивками.

«Когда они успели шторы повесить?» — подумал молодой человек и с особенным вниманием несколько раз прочитал вывеску, напрасно стараясь угадать, кто была прелестная незнакомка — m-me Квист или m-me Бликс.

Протопопица отличалась еще большей наблюдательностью и, когда сын вернулся со службы к обеду, сообщила ему под секретом, что «комиссионеры» — люди семейные и что у них есть дети.

— Как у них? — удивился сын. — У которого-нибудь одного... Ведь одна женщина?

— А кто их разберет... Может, по ихнему закону и это можно.

— У всех, мамаша, закон один. Вот как они торговать будут, когда у нас уж в трех магазинах велосипедами торгуют, а швейными машинами и не считаешь?

— Опять-таки их дело, Сережа. Платили бы деньги за квартиру... Я свечу пообещала поставить Николаю-угоднику. А деточки славные, девочка да мальчик. Девочка-то на Бликса смахивает, — такая же черномазая, — а мальчишечка на Квиста больше нашибает — белобрысый такой.

— Мамаша, вы ошибаетесь: Бликс белокурый, а Квист — сильный брюнет.

— Ну, это все равно, а только я про то, что дети-то разные... Вот одеты они по-господски, точно картинка. Немка-то, и надо полагать, пробойная: везде поспеваает, — и за детьми углядит, и кофий варит, и в магазине торчит за кассой. Кухарку и горничную нанимают, а пока все сама... Славная бабочка, кабы не немка.

Появление новой торговой фирмы послужило темой для разговоров соседей на целую неделю. Поговорили, посудачили и оставили в покое. Вопрос о принадлежности молодой женщины Квисту или Бликсу так и остался открытым, хотя женщины и обсуждали его с особенной настойчивостью. Удивляло всего больше то, что немка жила, как часы: встава-

ла в известное время, варила на спиртовке молоко и кашу своим ребятишкам, а в десять часов утра, несмотря ни на какую погоду, выводила их гулять. А остальную часть дня, как птица в клетке, сидит за проволочной решеткой своей кассы, а когда нет работы — женским делом что-то ковыряет и шьет. Общее мнение резюмировало, что немка хорошая и собой красивая, высокая, здоровая, веселая. Выйдет на улицу — любо посмотреть. Хоть бы и не Квисту с Бликсом впору. Комиссионеры, вообще, составляли тайну. Известно было только, что они отлично ездят на велосипедах, курят сигары и живут дружно.

Провинциальная публика с какой-то жадностью накидывается на каждую новинку, а потом так же быстро свыкается с ней и забывает. Новая фирма пережила этот прилив внимания, а затем попала в полосу равнодушия, как судно, которое захватывает штиль. Известно было одно, что и Квист и Бликс о чем-то усиленно хлопочут, ездят на извозчиках, со всеми знакомятся и ведут какие-то свои дела. Покупателей было немного, и немка могла свободно заниматься в своей прово-

лочной клетке шитьем и вязаньем.

Наступила зима. По вечерам Сергей Миловзоров уходил в клуб. Скучища там была ужасная, за исключением двух игорных комнат и бильярдной. Даже семейные вечера не приносили оживления. Дамы усаживались играть в карты, а в общей зале кружились две — три пары. Краснокутские кавалеры не желали танцевать, девицы уныло бродили из комнаты в комнату, как стерляди в трактирном аквариуме, и все вместе ужасно скучали, испытывая какое-то беспричинное озлобление. Миловзоров скучал вместе с другими и шел в клуб только потому, что решительно некуда было деваться по вечерам. И вдруг семейные вечера ожили благодаря появлению в них комиссионеров Квиста и Бликса. Они веселились напропалую, то есть танцевали, ухаживали за своей дамой, а потом ужинали. Получалось что-то необычайное для чопорной провинциальной публики, боявшейся на каждом шагу потерять собственное достоинство. А Квист и Бликс танцевали, правда, не особенно искусно, но зато так весело, что при-

ходили даже присяжные клубные игроки в общую залу, чтобы посмотреть на чудаков. Квист и Бликс удивлялись, в свою очередь, скучающей красноскутской публике, — поми-луйте, такой хороший зал, целый оркестр музыки, недурная кухня, — как же тут не веселиться? Потом они так трогательно ухаживали за своей дамой и танцевали с ней поочередно с отчаянным усердием, вызывая еще раз в публике вопрос, который же из них настоящий муж? Больше, — когда один комиссионер уезжал куда-нибудь по делам, в клуб являлся другой и держал себя так, как будто он и есть настоящий муж, которого так напрасно доискивались досужие люди. Благодаря неутомной веселости Квиста и Бликса семейные вечера вдруг оживились, и другие начали веселиться просто из зависти.

В числе этих других был и Миловзоров. На танцах он познакомился с обоими комиссионерами, которые представили его своей таинственной даме.

— Зоя Егоровна, это наш молодой хозяин, Сергей Иванович Миловзоров.

Зоя Егоровна молча протянула длинную

белую руку и посмотрела на молодого хозяина какими-то печальными глазами. Это выражение Миловзоров заметил у нее давно, и оно страшно не соответствовало внешнему веселью комиссионеров. Она веселилась точно по обязанности, по крайней мере ее лицо не принимало участия в этом веселье. Миловзорову теперь она казалась красавицей, конечно, по сравнению с красноскутскими дамами. После одной веселой кадрили-монстра он предложил ей руку, чтобы пройтись по залам.

— Благодарю вас... — как-то деревянно ответила она, подавая свою руку.

Они шли несколько времени молча.

— Извините — нескромный вопрос, Зоя Егоровна, — заговорил Миловзоров, задерживая шаги: — у вас такой грустный вид...

Она остановилась и с удивлением посмотрела на него.

— Разве это так заметно? — проговорила она и чуть покраснела.

— Да, то есть мне так кажется. Вероятно, вы очень скучаете?..

— О, нет, мне некогда скучать... нисколь-

ко...

Она говорила с иностранным акцентом и очень мило картавила, что особенно нравилось Миловзорову. Он тоже ей нравился — плечистый, с окладистой русой бородой и таким добродушным русским лицом. Из таких добродушных увальней выходят прекрасные мужья.

— Почему вы сделали такой вопрос? — обратилась она к нему после длинной паузы и опять посмотрела своими печальными глазами.

— А так. Право, не знаю, я думал, что вы больны.

— О, нет, я здорова.

Это внимание ее тронуло. Совершенно чужой, незнакомый человек, а между тем интересуется ее здоровьем.

За первым разговором последовал ряд других. Обыкновенно встречались в клубе. Зоя Егоровна по привычке сама искала глазами своего кавалера и улыбалась ему издали. Ей делалось как-то легче, когда он был около нее, тут, рядом. Это было то чувство хорошей дружбы, которое так редко встречается и ко-

торое, вероятно, поэтому так ценится женщинами. Вместе с тем Миловзоров заметил, что Зоя Егоровна вечно настороже, как дрессированная цирковая лошадь. Она знала даже шаги своих комиссионеров и повиновалась каждому их взгляду беспрекословно. Ей иногда хотелось подольше остаться в клубе, но один взгляд Квиста или Бликса мгновенно возвращал ее к ее обязанностям.

Раз Миловзоров спросил с добродушной откровенностью настоящего провинциала:

— Зоя Егоровна, скажите, пожалуйста, как ваша фамилия?

— М-ме Квист, Бликм и Ко, — ответила она с улыбкой. Потом она чуть заметно вздохнула и прибавила:

— Представьте, Сергей Иванович, вы — попovich, и я — поповна. Да, настоящая поповна, только английская. В Россию я попала шестнадцати лет, а теперь мне двадцать пять. Да...

— Вы скучаете о своей Англии?

— И да и нет... Мне как-то обидно думать о своей родине. Впрочем, вы едва ли меня поймете... Это нужно испытать.

— Я постараюсь понять, Зоя Егоровна...

— Да? Впрочем, вы добрый и поймете... Помните, как вы в первый раз пожалели меня? Мне это было больно... да. Я, действительно, испытываю тяжелое чувство, когда смотрю на вашу русскую публику, именно я завидую, что не родилась русской поповной. Вы не смейтесь, это так. Европейская девушка уже является формой товара, который безжалостно отправляется во все части света, то есть подвергается изгнанию, как элемент ненужный и обременительный у себя дома. На этом международном рынке самым дешевым товаром является немка, а за ней мы, англичанки. Француженки представляют выгодное исключение и умеют продать себя дорого. Главный рынок для немок — Россия, а для англичанок — Америка, Австралия и частью азиатская Индия. Вы только представьте себе, что ежегодно десятки тысяч таких европейских девушек должны покидать родной угол и подвергать себя страшной неизвестности. Да, за ними культура, все чудеса цивилизации, известная выдержка характера, но ведь главное-то для всякой женщины — свой угол, домашний очаг, и эта международная

женщина бродит по всему свету, как своего рода вечный жид. А русскую девушку вы почти нигде не встретите, за исключением богатых семей, которые путешествуют по Европе для собственного удовольствия, и еще учащих женщин, которые потом возвращаются в Россию. Русская девушка нужна еще у себя дома, у нее есть свой угол. Наконец весь склад русской жизни совсем другой, и прежде всего нет этого ужасающего эгоизма, которым пропитан каждый европейский мужчина. Вот почему английская поповна для вас является m-me Квист, Блике и Ко.

Она опять посмотрела на Миловзорова своими грустными глазами и вздохнула, а он смутился, как человек, который шутя вызвал наболевшую откровенность.

Протопопица стала замечать, что с Сережей как будто что-то неладное творится. Он всегда был неразговорчивым и серьезным, а теперь уж начал совеем задумываться. Или на службе торчит, или у себя дома шагает из угла в угол. Даже похудел за зиму. У матерей есть свой инстинкт, и они чувствуют беду.

— Сережа, ты бы сходил куда-нибудь, — советовала она. — Молодой человек, что сидеть дома-то?..

— Куда же мне идти?

— Мало ли у нас знакомых: к судейским кому-нибудь или к своим банковским.

— Не стоит, мамаша. Скучно одинаково везде...

Семейные вечера в клубе кончались на масленице (этого слова Зоя Егоровна никак не умела выговорить), и Миловзоров серьезно скучал. Теперь он мог встречать Зою Егоровну только на улице, когда она делала свою утреннюю прогулку с детьми. Душевные разговоры кончились, и Зоя Егоровна точно начала сторониться русского поповича. А он

смотрел на нее такими странными глазами, что заставлял ее краснеть и хмурить тонкие брови.

— Почему вы никогда не пригласите меня к себе? — откровенно спрашивал Миловзоров. — Ведь я хорошо знаком с Квистом и Бликсом...

— У нас это не принято. Мужчины у нас не бывают... Это только русские тащат к себе домой каждого встречного. Это не относится к вам, Сергей Иваныч, а я так, вообще, говорю...

Миловзоров смотрел на нее и думал про себя: «Какая она хорошая, вся хорошая. С такой женщиной не страшно связать всю жизнь». Обратной стороной этой простой и естественной мысли являлась какая-то глухая ненависть к Квисту и Бликсу с их самодовольством, выдержкой и европейским эгоизмом. Собственно, положение Зои Егоровны являлось утонченным цивилизованным рабством, за которое не приходилось даже платить, как это делалось в доброе старое время настоящего откровенного рабства. Комиссионеры эксплуатировали ее самым бессовестным образом, кончая ее комиссионерским ма-

теринством. Даже протопопица удивлялась безответности мудреной немки. А Миловзоров думал о ней все время и у себя в банке и дома по ночам. Как-то, после одной из таких бессонных ночей, он дождался Зои Егоровны во время утренней прогулки и проговорил без всяких предисловий, виновато опустив глаза:

— Зоя Егоровна, выходите за меня замуж... Я вас очень... очень люблю... Право, мы прожили бы недурно.

Она страшно смутилась и посмотрела на него испуганными глазами, как на сумасшедшего.

— Я знаю, что вы даже не m-me Квист, Бликс и Ко, а просто конторщица. Когда пройдет ваша молодость, вас вышвырнут на улицу, как бросают негодную тряпку... О, я все знаю, я столько думал об этом!

Она схватила своих детей за руки, точно искала в них защиты, и ответила упавшим голосом:

— Если бы я встретила вас лет десять назад, когда была девушкой, тогда... А теперь...

— Я не требую сейчас ответа. Вы подумай-

те серьезно... Я уже решил про себя.

Он даже улыбнулся и так спокойно посмотрел на нее. В его карих добрых глазах действительно светилась решимость, та отчаянная славянская решимость, которая идет на все.

— Вы хорошая, хорошая, хорошая... — повторял он, продолжая улыбаться. — Вся хорошая! Я буду ждать...

Зоя Егоровна не выходила на обычную прогулку целых три дня, опасаясь новой встречи, а Миловзоров три дня не ходил на службу. Он заперся у себя в комнате и шагал из угла в угол. Протопопица окончательно была убита и не знала, что ей делать. На четвертый день, утром, он взял свой портфель и отправился на службу. Протопопица обрадовалась и видела, как он завернул в магазин Квиста и Бликса.

Когда Миловзоров зашел в магазин, Зоя Егоровна сидела за своей решеткой, как всегда. Он даже не поздоровался с ней, а подошел прямо к прилавку с витриной, за которой сидели Квист и Бликс.

— Я пришел... да, я пришел... — заговорил

он сдавленным голосом, глядя в упор на комиссионеров. — Я хотел сказать... да...

Квист и Бликс подумали, что попович пьян, и переглянулись. — Скажите, пожалуйста, господа комиссионеры, если бы вы встретили девушку, которую два негодяя захватили бы в самое позорное рабство... Да, именно рабство. Нет, хуже...

— Что вам угодно? — спросил Квист, сдвигая брови.

— Мне угодно сказать вам, что так нельзя. Помилуйте! Ведь она человек, она мучается, у нее испорчена вся жизнь, она лучше вас, и меня, и многих других.

— Послушайте, нам не до философии... — заметил Бликс. — Вообще, извините, нам некогда...

— Некогда? Ха-ха... А я вас заставлю выслушать меня, потому что я говорю про нее, вот про эту девушку, которая сидит в вашей клетке.

Миловзоров указал на Зою Егоровну и поклонился ей издали.

— Милостивый государь, какое право вы имеете вмешиваться в чужие дела? — сказа-

ли в один голос комиссионеры.

— Какое право? А вот какое право... Представьте себе, что у Зои Егоровны есть брат... да, брат... и этот брат — я. Да, я, я!.. Я прихожу и говорю вам, Квист и Бликс, что вы негодяи... да, негодяи!..

Зоя Егоровна страшно перепугалась. Но дальше произошло все так быстро, что она не успела даже крикнуть о помощи. Она видела только, что Миловзоров выхватил из кармана револьвер и в упор выстрелил сначала в Квиста, а потом в Бликса. Квист присел и схватился за руку, а Бликс нырнул под прилавок, как заяц. Дальше Миловзоров как будто растерялся и с удивлением посмотрел кругом, а потом бросил револьвер, сел на табурет и закрыл лицо руками.

Через десять минут в магазин явилась полиция. Миловзоров оставался на прежнем месте и спокойно говорил:

— Ах, как я ее люблю... да, люблю.

* * *

Квист отделался легкой раной в левой руке, а Бликс — одним испугом. Они не дождались суда и незаметно исчезли из Краснос-

кутска, оставив на память протопопице свою вывеску. М-те Квист, Бликс и Ко исчезла вместе с ними. Через полгода Миловзорова судили и нашли, что он действовал в психически-расстроенном состоянии.

1894 [1]

Примечания

Впервые опубликован в «Самарской газете», 1894, № 249, 4 декабря. Включен автором в состав «Сибирских рассказов» в 1905 году. Печатается по тексту: «Сибирские рассказы», т. II, М., 1905.

[^^^]